

Даниил Вишняков, Николай Слобода*

ПЯТЫЕ БИВИХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ**

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-421-438.

ВСТУПЛЕНИЕ

27–29 июня 2024 года в г. Бежецке прошла Всероссийская конференция с международным участием, посвященная осмыслению наследия выдающегося советско-российского философа Владимира Вениаминовича Бибихина. Чтения, посвященные памяти одного из самых известных и неординарных отечественных мыслителей, проходили уже в пятый раз. Мероприятие вновь объединило философов, психологов и культурологов из разных городов России и мира. В организации конференции приняли участие Школа философии и культурологии НИУ ВШЭ совместно с Саратовской православной духовной семинарией, Казанским инновационным университетом им. В. Г. Тимирязова и Бежецкой центральной районной библиотекой им. В. Я. Шишкова, традиционно предоставляющей площадку для проведения заседаний секций.

Помимо состоявшихся и опытных исследователей в конференции приняли участие студенты бакалавриата и магистратуры, а также аспиранты. Все участники отметили высокий уровень докладов молодых исследователей. Участниками конференции были не только члены академического сообщества, но и независимые исследователи, чьи доклады

*Вишняков Даниил Алексеевич, младший научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Москва), kustoprav@yandex.ru, ORCID: 0009-0000-0213-7076; Слобода Николай Михайлович, стажер-исследователь, Научно-учебная лаборатория трансцендентальной философии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), nsloboda7@gmail.com, ORCID: 0009-0008-3367-071X.

**© Вишняков Д.; Слобода Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

по масштабу и актуальности мысли соответствовали высоким требованиям академической дискуссии. Присутствие «под одной крышей» экспертов из различных областей знания позволило расширить не только теоретический, но и историко-биографический, культурологический и даже литературный аспекты изучения философских идей Владимира Вениаминовича.

Важным событием не только для хода конференции, но и для всей отечественной гуманитарной среды стала презентация книги А. В. Михайловского (НИУ ВШЭ) «Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии» (Михайловский, 2024). Монография, посвященная истории немецкой философии техники XX века вобрала в себя объемные аналитические разборы ключевых философских и культурологических подходов к пониманию техники как феномена не только научной, но и социальной (и во многом экзистенциальной) реальности. Список авторов (М. Хайдеггер, Э. Юнгер, Ф. Дессауэр, Г. Гюнтер, Л. Клагес — и это лишь часть) не ограничивается исключительно немецкоязычными исследователями; некоторые параграфы работы разрабатывают бибихинскую концепцию техники.

За последние несколько лет на Чтениях сформировалась определенная дискуссия вокруг бибихинского «вопроса о технике», а презентация работы Александра Михайловского стала своеобразным промежуточным итогом этих обсуждений. Более того, важно подчеркнуть, что философия техники — не единственная проблема, интересовавшая участников конференции. Помимо общетеоретических изысканий, а также интеллектуально-биографических аспектов, докладчики представили свои размышления по широкому спектру тем бибихинского наследия. Таким образом, Чтения памяти Владимира Вениаминовича вновь подтверждают — творческое наследие Бибихина занимает свое место в общих дискуссиях интеллектуального ландшафта, а не изолируется в-себе-самом, становясь периферийной областью мысли.

ЖИВАЯ МЫСЛЬ БИБИХИНА:

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И АКТУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

И. В. Макарова (НИУ ВШЭ) в своем докладе «„Скрытое золото логоса“. Гераклит Бибихина» затронула ключевой вопрос философии — что есть философия? Протянув нить мысли от Гераклита к В. В. Бибихину и обратно, она предложила мыслить о самом Бибихине по-гераклитовски, что, конечно же, предполагает также обращение к самой стихии мышления. Апеллируя к критике классического историко-философского

подхода, Макарова, вслед за Бибихиным, указывает на неполноту представления о «понимании» как о подчинении, узнавании своего. Логос Гераклита — то, чем живет все живое и разумное. Он с нами, вокруг нас и в нас, являясь всеобщим, к которому не нужно проделывать особый путь. «Общее» Гераклита может быть противопоставлено мнимому «общему» большинства. Оно не является результатом выбора или предметом спора, но поражает подобно неуловимой и отличной от самой себя молнии, чье передвижное присутствие пронизывает мир и человеческое существо, не предписывая последнему рамок, но принуждая к выходу из них. Свет скрытого золота логоса, пронизывающего мышление Гераклита и В. Биbihина, открывает философию не как освоение мира, но как допущение ему быть таким, какой он есть.

М. А. Богатов (СГУ им. Чернышевского) в докладе «Что значит мыслить: версия Биbihина» подбирается к загадке мышления, подчеркивая, что Биbihин не проблематизирует призыв к мышлению, но разносторонне исследует сам его позыв. Своим докладом он ставит вопрос — что вызывает мысль? Кажется, что эта проблема может быть развита в двух направлениях: пассивном (и тогда мысль призывается чем-то большим, чем она есть) и активном (и тогда мысль призывает или подчиняет то, к чему она обращается). Но дуалистический подход Биbihин находит крайне несостоятельным, а потому Богатов, вслед за ним, предлагает иной способ интерпретации ключевого вопроса, апеллируя к одному из сюжетов лекционного курса «Язык философии». Он обращает внимание на перевод В. Биbihина крайне важного фрагмента из книги Аристотеля «Об истолковании», который на древнегреческом языке звучит как «τὰ ἐν τῇ φωνῇ τῶν ἐν τῇ ψυχῇ παθημάτων σύμβολα». Биbihин переводит его как «то, что в звуке, — символы состояний, которые в душе» (Биbihин, 2007). Ответ на призыв к мышлению (язык, речь, мысль) производится для того, чтобы дополнить до целостности происходящее в душе. Не отвечать на призыв к мышлению невозможно, так как мысль всегда уже обнаруживает свое наличие, но достижение целого, вместе с тем, не носит характер окончательности, а потому возможно многообразие способов ответа на этот призыв. Между мыслью и тем, что происходит в душе, обнаруживается непреодолимый зазор, а потому мысль *бесподобно* дополняет целое. Их отношение не соответствует отношению бытия и сущего, топики и метрики, но является самим *событием мысли*, к которому, впрочем, мы всегда уже опоздали.

Д. А. Павлова (СГМУ им. Разумовского) развивает анализ интеллектуальных построений Аристотеля и Бибахина, усмотрев в антропологической мысли последнего три состояния человека, изложенных ею в докладе «Положение человека в мысли Х. Арендт и В. Бибахина». Первый человек кричит о помощи, выбрасывая бумажку из своего автомобиля. Он ищет куда себя деть, чему отдаться, лишь бы никогда с собой не встретиться, являясь при этом субъектом, которому подвластны все объекты. Второй человек совершенен, поскольку он все понял, а значит он принял решение о своем положении, уже куда-то дел себя. Третий человек лишь делает шаг навстречу мысли, которая представляет собой неизвестность. Бибахин пишет:

Когда человек бросает зерна в черную землю, это пока не хорошо и не плохо, а только страшно ответственно: погубил все зерно или наоборот спас? Отчаяние само по себе не грех, а один из вечных краев человеческого бытия (Бибахин, 1998: 293).

Жизнь третьего мыслится как столкновение с миром. Человек особенным образом относится к нему, он понимает, что находится в мире как он есть, в целом. Он не выбирает форму своего существования, но обнаруживает ее как стремление, присущее всему сущему. Третий человек, человек В. Бибахина, — воплощение созерцательного образа жизни Аристотеля. Он обладает открытостью к миру как к целому, существующему по законам, которые не могут быть даны в качестве объектов, у него есть сознание смертности, а также понимания полноты. Впрочем, Бибахин не может определить этого человека ни негативно, ни положительно, поскольку тот представляет собой воплощение идеи золотой середины Аристотеля.

Определенное отношение к целому с необходимостью предполагает особенное представление о ничто. Джефф Лав (*Northwestern University*) в докладе «О небытии у Бибахина» обращается к понятию чистого присутствия, развитого в работе А. Кожева «Атеизм» (Кожев, 2006). Совершенно неопределенная открытость, характеризующая понимание истины не в качестве соответствия между разумом и вещью (*adaequatio intellectus et rei*), но как само условие возможности их встречи, не позволяет провести разделения между атеистом, утверждающим отсутствие Бога, и теистом, видящим божественное без атрибутов. В таком случае, у философа остается две возможности: встать на позицию исчерпывающей рациональности, отказавшись от идеи «открытости»,

или остаться на позиции «физической открытости», которая не позволяет нам сделать окончательного утверждения о познаваемости мира разумом. Понимание ничто, по мысли Дж. Лава, характеризует принципиальное расхождение философских идей В. Бибихина и М. Хайдеггера. Именно стараниями последнего сместился ключевой вопрос посткантовской философии о возможности существования отношения между разумом и вещью в область самого события их встречи. Хайдеггер подчеркивает, что существо истины раскрывается как свобода, поскольку она сопротивляется детерминации определенности, а потому она есть неопределенность. Открытость оказывается чистой возможностью или изначальном ничто. В философии Бибихина, напротив, содержится идея веры, доверия к тому, что есть. В третьей лекции цикла «Лес» В. Бибихин говорит об открытии себя себе и миру через непрестанную молитву, дающую доступ к тому, что было скрыто (Бибихин, 2011). Можно сказать, что В. Бибихин выступает за открытое через отношение к сущему. В той мере, в которой мы встречаемся с сущим только через нашу заботу о сохранении себя, мы глубоко слепы к внутренней полноте последнего. Молитва — совершенно иной способ жизни, стремление к свободе от физической необходимости как к первичному признанию и принятию этой необходимости, а потому взгляд на бытие В. Бибихина усматривает полноту, когда взгляд М. Хайдеггера — пустоту.

Лекционный курс «Лес» также попал в центр внимания Н. М. Слободы (НИУ ВШЭ), который прочитал доклад «Концепт „леса“ В. Бибихина как инструмент феноменологии». Докладчик произвел ревизию феноменологических проблем: понятие горизонта, в силу особенностей которого никогда не данный, но по большей части предвосхищаемый мир оказывается коррелятом согласованного опыта; невозможность полной редукции; несовпадение с самим собой «живого настоящего»; различие дескрипции и анализа в феноменологическом исследовании. В условиях постфеноменологической топики, согласно идее докладчика, «лес» Бибихина, понятый по отношению к тому, кто к нему приближается, является удачным регулятивным концептом, имплицитно включающим вышеперечисленные феноменологические интуиции. Лес оказывается пространством несовпадения, неметрической топики, а потому опыт леса — *странный* опыт, не поддающийся прямой дескрипции. Лес — пространство возможности невозможного, существования нетождественного. Обращаясь к терминологии М. Ришира, лес мерцателен, как мерцательны феномены. Другое немаловажное понятие, использованное Бибихиным в этом же курсе лекций, — «внимание» (оно

же «молитва», упомянутая в докладе Дж. Лава). Несмотря на то что внимание и лес являются полярными противоположностями, все же их совпадение возможно. Совпадение «внимания» и «леса» образует странность опыта феноменологического мышления. Чувство странности и двусмысленности оборачивается основным мотивом феноменологической практики, а приближение к лесу — актом осуществления смысла в феноменологическом регистре.

Доклад Г. П. Куприянова (НИУ ВШЭ) «Хайдеггер А. Г. Дугина *vs* Хайдеггер В. В. Бибихина: точки соприкосновения», посвященный сравнению интерпретаций философских идей М. Хайдеггера в работах В. Бибихина и А. Дугина, поставил проблему перевода в философии. Так, В. Бибихин в статье «К проблеме определения сущности перевода» пишет об отсутствии объективного критерия между переводом и авторским творчеством, а потому он сознательно занимает позицию, предполагающую отсутствие разделения между его мыслью и мыслью читаемого им автора. Таким образом В. Бибихину удается перенести фокус с автора на саму мысль. Для Бибихина, М. Хайдеггер осуществляет дело всякого человека, а потому он становится чистым присутствием дела мира, дела собирания целого. Бибихин воспринимает свое мышление как продолжение мысли Хайдеггера в смысле продолжения мышления о бытии. Дугин также представляет свое мышление в качестве продолжения мысли Хайдеггера, однако он, рассматривая М. Хайдеггера как финальную точку западноевропейской философии, переносит сам метод его мышления на почву русской философии и социально-исторической действительности. Своим докладом Г. Куприянов поднял проблему возможности различения перевода и творчества, интерпретации и эксплуатации, а также обратил особенное внимание на неоднозначность сравнения А. Дугина и В. Бибихина в вопросе прочтения М. Хайдеггера через отношение жесткой оппозиции или комплементарного представления о едином «русском» Хайдеггере.

БИБИХИН КАК ФИЛОСОФ ТЕХНИКИ: НА СТЫКЕ ОНТОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

И. И. Павлов (НИУ ВШЭ) в докладе «Владимир Бибихин как философ техники» пришел к выводу, что все стратегии его мышления о технике объединяет концепт амехании. Амехания — определенный способ быть, определенная практика мышления, практическая феноменология. В. Бибихин настаивает на том, что техника — нечто экзистенциально

строгое. Он критикует не технику и технические изобретения, а использующее технику мышление, предлагая, вслед за М. Хайдеггером, в качестве альтернативы идею *τέχνη*, объединяющую технику и искусство. Но, в отличие от М. Хайдеггера, Биbihин оценивает технику скорее позитивно, осуществляя три стратегии мышления о ней: (1) узнавание Своего в природе в курсе «Лес»; (2) осуществление исторической генеалогии науки; (3) внимание к искусству и поэзии, открывающее способ мышления о технике, альтернативный критикуемому Биbihиним мышлению. Отличие от философии техники Хайдеггера становится более понятным при внимании ко второй стратегии, внутри которой Биbihин, обращаясь к итальянскому Ренессансу и к опыту Леонардо да Винчи, настаивает на возможности развития науки и техники из аутентичной установки. Все три стратегии оказываются объединенными амеханией. При этом, Биbihин реализует идею амехании применительно к философии в двух смыслах: рассматривая философию в качестве строительных лесов, которые должны разобрать сами себя, дав место самим вещам; утверждая наличие аутентичного способа речи, когда сам философствующий субъект оказывается, скорее, медиатором подлинного дискурса. Илья Павлов подчеркнул парадокс амехании, вызванный необходимостью применения амехании к Другому самой философии. Он также указывает на отсутствие конфликта между «амеханической интерпретацией» Биbihина и классической аналитико-философской интерпретацией Л. Витгенштейна. Последний более четко проводит различие именуемого и неименоваемого, выразимого и невыразимого, стирая область привилегированного дискурса. Внутри представленной интерпретации философии В. Биbihина мы можем компенсировать парадокс амехании, не повторяя нарушения ее логики по отношению к своему Другому, а значит, быть открытыми как при анализе истории и современности, так и в своем мышлении к многообразию различных логик и дискурсов, применению методов других наук.

А. В. Михайловский (НИУ ВШЭ) подробно рассмотрел особенности рефлексии В. Биbihина о технике с учетом генеративной специфики (специфики поколения), а также поколенческой интеллектуальной динамики в докладе «Рефлексия Биbihина о технике: между технократизмом и энвайронментализмом». Александр Михайловский предложил два подхода к осмыслению техники: проактивный («технооптимизм») и компенсаторный («технопессимизм»). Взяв на вооружение эти две парадигмы, он применил их к рефлексии Биbihина о прогрессе и научно-технической цивилизации. Докладчик отметил, что начавшееся в 1950-е

годы активное развитие кибернетики в Советском союзе приводит к господству в 1960–70-е годы «проактивной», технократической парадигмы. Как показывают отдельные записи этих лет (Бибихин, 2022), несмотря на отстраненность и кажущуюся нейтральность Бибихина по отношению к технике в 70-е годы, он в значительной степени вписывается в «проактивную» парадигму, а его интеллектуальной настройкой можно сопоставить с децизионизмом и активизмом М. Хайдеггера, а также интеллектуальными разысканиями Н. Бердяева в 1920–30-е гг. Второй период творчества (конец 1970-х — начало 1980-х) связан с появлением первых переводов работ М. Хайдеггера, выполненных Бибихиным. В этот период Владимир Вениаминович не предлагает самостоятельных философских высказываний в отношении техники, однако объемные примечания к переводам позволяют ему использовать М. Хайдеггера в качестве своего альтер-эго, развивая диагноз нигилистической современности, воплотившейся в идее того, что усилие активизма приводит к экспансии использующего технику мышления. Статья 1987 года «Философия и техника» (Бибихин, 2003) является симптомом «компенсаторной» фазы. За техникой обнажается технократический императив, но, вместе с тем, подчеркивается особая роль техники в развитии подлинно философского мышления. В. Бибихин демонстрирует типичные элементы культуркритического дискурса, осуществляя критику инструментальной трактовки техники. В начале 1990-х технопессимистическая фаза подходит к концу. В конце 1990-х годов В. Бибихин возвращается к технооптимистической установке, отчасти парадоксально исключая «проактивные» элементы. В курсе «Лес» он рассматривает технику как самонастраивающийся автомат, а потому феномен технического прогресса раскрывается в способ борьбы за выживание, как проявление живого.

Обобщая, необходимо отметить, что В. Бибихина нельзя назвать философом техники, но все же в его лекциях и статьях содержится рефлексия об основах научно-технической цивилизации, проявляясь в его размышлениях о мире, захваченности, амехании, Другом начале, Лесе.

Е. С. Петриковскую (ИФРАН) заинтересовала парадоксальная концепция человека как живого (наделенного спонтанностью) автомата, встроенного в мировой автомат, она проанализировала размышления В. Бибихина о человеческой природе и ее проявлениях в контексте дискуссий о «повороте к антропологии» в зарубежной и отечественной философии. В докладе «„Софийный автомат“ и основные феномены

человеческого бытия» она призвала увидеть последовательность и неизменную верность В. Бибихина следующему ряду тем: неприступность человека; его отрешенность (модусы отрешенности и путь к ней); самозабвенная захваченность миром против бодрствующего самосознания, невозможность мировоззрения, простота взгляда и полнота видения.

Самопознание, философия человека для Бибихина — не мертвая тема; он занят «разбором завалов мысли» в этой области. Поворот к антропологии в философии означал поиск новых подходов к онтологии человеческого существования. Углубляя наше понимание методологии Витгенштейна, Бибихин показал, как она может быть применена к решению важных философских проблем. Е. Петриковская, анализируя работу В. Бибихина «Витгенштейн: смена аспекта» (Бибихин, 2005), выделила следующие особенности метода антропологии в онтологическом ключе: описания не служат намеками на объяснения; видение вещей определяет их описание, словоупотребление, а философы способны изменить это видение; описываются простейшие данности, которые всегда с нами так, что мы давно перестали их замечать; призыв не искать за феноменами сущности; работа с человеческим присутствием; возможность выйти из автоматизма (философской) деятельности; достижение снятия противоположности человека и мира.

Исследователь предположила, что Бибихин исходит из витгенштейновского понимания, предполагающего задачу философии не в создании всеохватывающих систем и мировоззрений, а в критике и выявлении недостаточности всех попыток такого рода. Она также подчеркнула актуальную проблему современного отечественного академического сообщества — игнорирование сказанного В. Бибихиным о философии Л. Витгенштейна.

БИБИХИН И РУССКАЯ МЫСЛЬ: ГЕНЕЗИС, СТАНОВЛЕНИЕ И РЕЦЕПЦИЯ

А. А. Гравин (НИУ ВШЭ) в докладе «Стратегии интерпретации „Философии имени“ А. Ф. Лосева в кругу его учеников» представил на обсуждение важную для историков философии тему, связанную с осмыслением рецепции идей советских философов разных поколений. «Философия имени» Лосева — монументальная работа, посвященная ключевым семантическим проблемам философии языка, — оказала влияние на двух «учеников» Алексея Федоровича: Л. А. Гогтишвили и В. В. Бибихина. Владимир Вениаминович прямо или косвенно ссылается на работу Лосева в курсе «Энергия» (Бибихин, 2010), а потому докладчик указывает на важную терминологическую метаморфозу:

«Имя» Лосева становится «Энергией» у Биbihина. Продолжая аристотелианские размышления, Биbihин описывает антиномию энергии, присутствующей и ускользающей одновременно. Если сам Лосев описывал Имя как место встречи символизирующего и символизируемого, то Биbihин в данном аспекте опирается на концепт Энергии. Такая трансформация не прошла мимо Гогтишвили, поэтому ее интерпретация Имени не семантическая (что оно есть), а прагматическая (как оно есть). Коммуникативная роль имени — сказать что-то — важнее, чем то, что оно говорит. Докладчик указывает на принципиальную неоднородность рецепции лосевского наследия, подчеркивая уникальность такой философской ситуации, в рамках которой ученики являлись уже самостоятельными мыслителями с собственной философской оптикой. Биbihин не является последователем Лосева, но связь между двумя философскими проектами свидетельствует об интеллектуальном напряжении эпохи, поисках собственного философского начала.

Об эпохе также говорил В. В. Сидорин (ИФРАН) в своем докладе «Проблемы и перспективы „Эпохи возвращения имен“: взгляд изнутри — Биbihин и Хоружий». Отмечая растущий в 1980-е гг. интерес к истории отечественной мысли, докладчик обратил внимание на «разлом», существующий и в современной историографии русской философии. Каким именно образом понимать русскую мысль? Следует ли обращаться к наследию отечественных философов как политическому оружию? В чем принципиальная «русскость» русской философии? Ответ Владимира Витальевича состоял в следующем: история русской философии еще не обрела того концептуального аппарата, который позволил бы изучать наследие В. С. Соловьева или Н. А. Бердяева в их идейной специфике. В качестве примера Сидорин приводит «манифестатный» подход С. С. Хоружего и «своевольный» В. В. Биbihина, сталкивая два разных модуса мысли. Хоружий — философ системы, целой школы, Биbihин — любит саму мысль. Хоружий телеологичен, а Биbihину интересно само движение. Именно поэтому оба автора по-разному соотносили друг друга с наследием русской философии: Хоружий был способен «поднять знамя» отечественных любомудров, Биbihин же скорее предпочел бы более персональное взаимодействие. При этом, обоих авторов объединяет признание невозможности самого повторения уже покоренных высот: важнее обрести свою философскую автономию. Более того, несмотря на программный характер своего подхода, Хоружий, как и Биbihин, выступал против политизации философии. Последний тезис особенно важен в контексте современного историографического кризиса русской мысли.

М. Л. Свердлов (Свободный исследователь, Саратов) выступил с докладом «Зачем нужно Большое Время? Принцип историзма и философия события». Несмотря на то что доклад также посвящен истории русской мысли и Бибахину, докладчик начал свое выступление цитатами из разных работ Ницше. Автор указывает на важный для дальнейшей философской традиции ход, сделанный немецким мыслителем: концепт исторического времени является точкой столкновения философии и теологии, времени (как темпорального измерения) и Истории (в эсхатологическом аспекте). М. Бахтин одним из первых использовал термин «Большое время» для описания События и (не)возможности встречи с ним.

Человечество достигало некоторых фаз, когда должно было совершить нечто, что оно не совершало. Именно такие историософские феномены Бахтин относит к Большому Времени. Свердлов обращает внимание на ницшеанское ядро историософии Бахтина. Аверинцев, Бибахин, Хоружий — все эти авторы, вслед за Бахтиным, также отмечали важный аспект борьбы человека с Большим Временем, способа отрицания и принятия События, масштаб которого всегда больше горизонта человеческого бытия.

ВЗГЛЯД. ТЕКСТ. ДНЕВНИК

Доклад Г. В. Мелихова (КФУ) «„Изменение глаз“: практическая феноменология В. Бибахина и обэриутов» стал «центром притяжения» культурологической, философской и литературоведческой рефлексий авторов из различных эпох (от Вл. Соловьева и Л. Шестова до В. Бибахина) о сущности поэзии в узком смысле и сущности Слова — в широком. Мелихов сослался на известную дневниковую запись Д. Хармса: «Стихи надо писать так, что если бросить стихотворением в окно, то стекло разобьется» (Хармс, цит. по: Кобринский, 2008). Сила Слова не в эстетическом, а в его экзистенциальном измерении. За словом всегда стоит твердый постав Пустоты — финальная инстанция бытийствующих сил. Поэзия обэриутов — одних из главных воспевателей «чистого» (не-ангажированного) искусства — это прославление пустоты, воздуха, полета во сне и наяву. Мелихов замечает, что «тождество быта и бытия» — не гомогенное наложение одного на другое, но обнаружение несостыковок, разрывов и зияний. В качестве свидетельства этого феномена в культурной жизни эпохи докладчик приводит примеры из мира кино, демонстрируя, как тема воздуха и пространства фигурирует

в работах У. Андерсона, выставляющего в кадре «просветы», невидимые повседневному взгляду. Наконец, Мелихов обратился к концепту «само-на-ведения» (термин Бибикина из курса «Дневники Л. Толстого») как ключевому инструментарию практической феноменологии. Высвечивание вещей через опыт наблюдения за собой — ключевой опыт поэтической и культурной рефлексии человека.

Следующим докладом, продолжившим тему само-актуализации Человека в экзистенциальном измерении через литературную рефлексию, был доклад И. Аникина (СГУ им. Чернышевского), посвященный сопоставлению «Леса» Бибикина и романа М. Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб». Название доклада «Лес как явленная вещь в философии Бибикина», на первый взгляд, кажется попыткой очередной реконструкции ключевых положений «лесо-философии» Бибикина. Однако докладчик развернул нарратив в ином ключе: компаративистский анализ высвечивает новые аспекты концепта «Лес», показывая темпоральное измерение взаимодействия Человека и Леса. Подобно Робинзону, адаптирующемуся к условиям острова, Человек вступает в сложные, постоянно изменяющиеся отношения с Лесом, со временем делая его частью себя. Человек и Лес — две диалектические силы, конституирующие явленность друг друга через вечное становление. Остров для Робинзона может быть чужим, но, осваивая техники ведения хозяйства, Робинзон делает его «своим». В отличие от марксистского отчуждения, процедура «делания-явным» по Бибихину не разрушает вещь, но преобразует ее материальную (в аристотелианском смысле) сторону, меняя тем самым положение Человека и его экзистенциальный статус. Докладчик вспоминает предисловие Бибикина к курсу «Лес»:

Лес с его неметрическим пространством (ср. представления о клетке как тропическом лесе) через мечты о первобытном, лесном, косматом человеке, через мифопоэтику мирового дерева, через возвращение в нашей современности оторвавшихся от природы человеческих масс к эрзацам леса в табаке, вине и наркотиках принадлежит к реалиям современного человечества в гораздо большей мере чем это принято признавать (Бибихин, 2011).

Литература, уже в качестве остенсии, вновь обращает внимание на тему осмысления своего места в Мире через окружающий Лес бытия.

Но сила Слова не только в его способности задать некоторый континуум смыслов вокруг, но и в возможности его преодолеть. В этом отношении «бьющей стекло» поэзией можно считать наработки московских «романтических» концептуалистов, главным из которых по

праву можно считать Д. А. Пригова. Биbihин посвящает ему одну из лекций в курсе «Новое русское слово», который он прочитал в 1993 году на филологическом факультете МГУ. Основные положения этой лекции в своем докладе отразил Д. Вишняков («„Пушкин — это чистый гений“: поэтический мир Д. А. Пригова в лекциях В. В. Биbihина», НИУ ВШЭ, ИИЕТ РАН), предложивший рассматривать биbihинскую оптику как альтернативу пост-структуралистской интерпретации авангардной поэзии 1980–90-х. Биbihин предлагает выйти за рамки узкой логики «смерти Автора» и перейти к имманентной аналитике поэтического мира, созданного Приговым. Тщательно препарировав ключевые из работ поэта, Биbihин нащупывает темы мифопоэтики Пригова: Мир, Я, трансценденция, воплощающиеся в знаковых образах русской культуры: Пушкин, Золотой Век, Классика. Если сам Пригов считал себя работником культуры, то Биbihин возвращает ему титул Поэта, который, «никакие стихи и не пишет» (Биbihин, 2009). И в этом парадоксе вновь обнаруживается зияние между бытием и сущим, между базисом и надстройкой, явленным и не-явленным. Одна из главных черт философии Биbihина — интеллектуальная смелость, и именно она позволяет читать стихи московских концептуалистов в иной герменевтической перспективе, чему и был посвящен доклад.

А. В. Логинов (РАНХиГС, РГГУ) представил слушателям размышления Биbihина о дневниках Льва Толстого — квазилитературном и квазифилософском компендиуме рефлексий великого русского писателя. «Дневники Льва Толстого» можно считать одной из ключевых работ Биbihина, и Логинов обращает внимание на оптику, предложенную О. Седаковой и Л. Басинским, в рамках которой сама жизнь Толстого может быть рассмотрена как литературное произведение. В качестве герменевтической «путеводной нити» Александр Логинов привел следующую цитату из книги Владимира Вениаминовича: «Мы вглядываемся в человека как в весть, к нам сейчас обращенную и содержащую в себе ту тайну, участие в которой нам сейчас крайне нужно для нашего спасения» (Биbihин, 2023). Дневники Толстого — это духовные упражнения, напоминающие методики Игнатия Лойолы. Через опыт текста, опыт субъективного переживания прочитанного проступает метафизика Толстого, поэтому Биbihин переоткрывает толстовскую метафизику через расширение культурного контекста. В лекционном курсе «Грамматика поэзии» Толстой оказывается в одном поле с Ригведами и ранней греческой мыслью. Докладчик обратил внимание на интересную связь

между работами Биbihина и Толстого, подчеркнув скорее медитативную, чем дидактическую функцию лекций Владимира Вениаминовича. Однако важно обратить внимание на то, что книга Биbihина не является завершенной историко-филологической энциклопедией, вобравшей в себя подробный анализ каждой толстовской биографемы. Скорее, курс Биbihина — это живое общение с классиком, попытка посмотреть на литературного Толстого как на Толстого-философа, но в совершенно иной оптике.

Тема литературного героя важна не только для текстов, но и для других художественных практик. Б. Павлович (Санкт-Петербург, театральный режиссер) рассказал о роли философии Биbihина в театральном проекте «Лес». За последние четыре года петербургская театральная группа провела несколько перформансов, посвященных попытке переосмысления роли актера-субъекта в создании драматургического нарратива. Павлович обратил внимание на театральный аспект глоссария биbihинской философии («настроение», «захваченность»), а потому, объяснил он, ему пришла идея создания спектакля-лаборатории самостоятельного размышления субъектов-артистов. Каждая из постановок — рефлекслируемая *hic et nunc* биографема актера, его попытка «узнать себя». Неслучайно Павлович отмечает, что именно эта книга стала первым его знакомством с философией Владимира Вениаминовича. В своем выступлении Павлович описал структуру спектакля «Лес», уподобленного делезианской «ризоме»: каждая единица (речь, перформанс, декорация) может быть рассмотрена автономно, но вместе она — часть общего целого, смысл которого не перекрывает смысла каждой из частей. «Множество дает содержательное нечто» — такими словами Павлович объяснил замысел проекта «Лес». Биbihин в спектакле подобен тени отца Гамлета, как бы присутствующему на сцене актору, который наделяет происходящее неким общим смысловым пространством, дает о себе знать тенью, речью, жестом.

БИБИХИН И ПСИХОЛОГИЯ: МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ПРАКТИКОЙ

Л. А. Кретова (Лаборатория психологии личности ИП РАН, психотерапевт) в своем докладе предложила практическую интерпретацию «Леса» Биbihина. Может ли метафизический Лес быть рассмотрен как действительный жизненный мир индивида? В истории философии есть ряд работ, посвященных практике «ухода в лес» (от Э. Юнгера до М. Хайдеггера). В самом названии доклада («Феноменология и про-тофеноменальность романтического мироощущения в художественных

текстах и самоотчетах „ушедших в Лес“) содержится главная цель докладчика — попытка описания психологического опыта тех, кто отказался от городской жизни в пользу жизни на природе, в уединении, духовном и метафизическом отстранении от урбанистической суеты. За основу были взяты дневники и заметки (в том числе записи в блогах) тех респондентов, которые решили вести загородную жизнь. Как отметила Л. Кретьева, психология — это в первую очередь «городская дисциплина», поэтому концептуализация Леса оказывается не самой простой для исследователей задачей. В истории идей к «Лесу» обращаются, в первую очередь, мыслители романтизма, рассматривавшие пасторальный нарратив как попытку возвращения к «потерянному Раю». Интерпретируя дневники информантов, Лола Адриановна обращает внимание на поэтичность, которая возникает в текстах самоотчетов. Труд, Природа, Лес — эти три концепта изменяют взгляд человека на бытие, помогая ему обрести собственное Я. «Прополка — это философское занятие» — таким наблюдением делится одна из информанток, указывая на созерцательный аспект живого, ручного труда.

Д. С. Старостин (клинический психолог) в своем докладе «Воспоминания психолога о В. В. Биbihине: о влиянии дела философии на дело психологии» поделился своим биографическим опытом. Докладчик рассказал о своем опыте присутствия на лекции Владимира Вениаминовича. В выступлении прослеживалась мысль, схожая с озвученной в докладе А. В. Логинова: лекции Биbihина обладали больше сакральным, чем школьным назначением. «Студенты ходят на Биbihина как на причастие», — вспоминает Дмитрий Станиславович слова своих друзей-слушателей биbihинских курсов. На основе этой биографемы разворачивается ключевая идея доклада: каково общее дело психологии, как оно связано с делом философии? Могут ли психологи дать ответы на фундаментальные запросы человеческого существования? Кажется, сам докладчик считает, что ответ на этот вопрос сугубо отрицательный. В таком случае, надо вспомнить, в чем состоит первостепенная задача философии. Сам докладчик считает, что философия есть общая наука о человеческом Счастье. Но в философском дискурсе так и не сформировалась единого мнения о Счастье, более того, самого термина (или философской категории) как «счастье» не существует. Выходя на периферию философской мысли, Счастье вытесняется в другие сферы жизни и знания. Именно в этот момент психология вновь выходит на авансцену. Психология не способна сделать человека счастливым, но психоанализ (в сочетании с биbihинской оптикой) превращается

в инструмент облегчения человеческой экзистенциальной боли. Спорная, но интересная интуиция Дмитрия Станиславовича вызвала бурное обсуждение как у психологов, так и у философов.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ:

БИБИХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ КАК РАБОЧЕЕ ПРОСТРАНСТВО

Пятые Бибихинские чтения объединили не только специалистов из разных городов и стран, но также различные подходы и области знания. Коллективными усилиями Владимир Вениаминович Бибихин обнаружил присутствие своих интуиций проходящих как бы по грани школ, традиций, предметных сфер и методологических разграничений. Обращение, как кажется на первый взгляд, к прошлому приоткрыло его присутствие в настоящем гуманитарной мысли. Сердцем Пярых Бибихинских чтений, напитывающим и связывающим интеллектуальными токами философскую, литературную и психологическую проблематику, выступила тема неявной философской антропологии В. Бибихина, содержащаяся в его последней прижизненной книге о Витгенштейне.

Отказ от привилегированного дискурса открывает возможность проведения исследований над- и вне- дисциплинарных рамок, обнаруживая «скрытое золото Бибихина». Но Бибихинские чтения — не только обращение к непреходящему прошлому, но и конструктивный взгляд в будущее, рабочее пространство не только для академической сферы, но и шире, общественной жизни. Так, Д. Шахова (Sorbonne Université, «Опыт перевода „Мира“ В. В. Бибихина») поделилась наработками своего диссертационного исследования, посвященного философии Бибихина. Особенно важной темой оказалась проблема перевода ключевых терминов бибихинской философии («Мир», «Присутствие» и др.) на французский язык. О. Д. Агапов (КИУ им. Тимирязова, «Концептуальное содержание курса „Основ российской государственности“: возможный вклад философского наследия Сергея Хоружего и Владимира Бибихина») был посвящен актуализации культурного наследия В. В. Бибихина в России и возможным альтернативам в представлении об истории отечественной философской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

Бибихин В. В. Из записей на тему самопознания // *Узнай себя.* — СПб. : Наука, 1998. — С. 226–575.

- Бибихин В. В.* Философия и техника // Другое начало. — СПб. : Наука, 2003. — С. 347–362. — (Слово о сущем ; 47).
- Бибихин В. В.* Витгенштейн : смена аспекта. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
- Бибихин В. В.* Вопрос о символизме // Язык философии. — 3-е изд. — СПб. : Наука, 2007. — С. 179–207. — (Слово о сущем ; 76).
- Бибихин В. В.* Грамматика поэзии. Новое русское слово. — СПб. : Иван Лимбах, 2009.
- Бибихин В. В.* Энергия / сост. О. Е. Лебедевой ; примеч. О. Е. Лебедевой. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.
- Бибихин В. В.* Лес / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2011. — (Слово о сущем ; 92).
- Бибихин В. В.* Отдельные записи 1965–1989 годов. — СПб. : Владимир Даль, 2022.
- Бибихин В. В.* Дневники Льва Толстого. — 2-е изд. — СПб. : Иван Лимбах, 2023.
- Кобринский А. А.* Даниил Хармс. — М. : Молодая гвардия, 2008.
- Кожесев А.* Атеизм // Атеизм и другие работы / пер. с фр. А. М. Руткевича, Н. Б. Маньковской, О. В. Головы, А. П. Козырева. — М. : Праксис, 2006. — С. 52–174.
- Михайловский А.* Маятник модерна : дискуссии о технике в Германии. — М. : Академический проект, 2024.

Vishnyakov, D. A., and N. M. Sloboda. 2024. "Pyatyeye Bibikhinskiye chteniya [The Fifth Bibikhin Readings]: obzor vsrossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem [An Overview of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 421–438.

DANIL VISHNIAKOV

RESEARCH FELLOW

S. I. VAVILOV INSTITUTE FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0000-0213-7076

NIKOLAI SLOBODA

RESEARCH ASSISTANT

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0009-0008-3367-071X

THE FIFTH BIBIKHIN READINGS

AN OVERVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-421-438.

REFERENCES

- Bibikhin, V. V. 1998. "Iz zapisey na temu samopoznaniya [From the Notes on the Topic of Self-Knowledge]" [in Russian]. In *Uznay sebya [Know Yourself]*, 226–575. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2003. "Filosofiya i tekhnika [Philosophy and Technology]" [in Russian]. In *Drugoye nachalo [Another Beginning]*, 347–362. Slovo o sushchem 47. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2005. *Vitgenshteyn [Wittgenstein]: smena aspekta [Aspect Shift]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- . 2007. "Vopros o simbolizme [The Question of Symbolism]" [in Russian]. In *Yazyk filosofii [Language of Philosophy]*, 3rd ed., 179–207. Slovo o sushchem 76. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2009. *Grammatika poezii. Novoye russkoye slovo [Poetry Grammar. New Russian Word]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Ivan Limbakh [Ivan Limbach Publishing House].
- . 2011. *Les [The Wood]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 92. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2022. *Otdel'nyye zapisi 1965–1989 godov [Notes 1965–1989]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- . 2023. *Dnevnik L'va Tolstogo [Diaries of Leo Tolstoy]* [in Russian]. 2nd ed. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Ivan Limbakh [Ivan Limbach Publishing House].
- . 2010. *Energiya [The Energy]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Annot. by O. Ye. Lebedeva. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- Kobrin'skiy, A. A. 2008. *Daniil Kharms [Daniil Harms]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- Kojève, A. 2006. "Ateizm [L'Athéisme]" [in Russian]. In *Ateizm i drugiyе raboty [Atheism and Other Works]*, trans. from the French by A. M. Rutkevich et al., 52–174. M.: Praxis.
- Mikhaylovskiy, A. 2024. *Mayatnik moderna [The Pendulum of Modernity]: diskussii o tekhnike v Germanii [Discussions about Technology in Germany]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt [Academic Project].